

За печкой

Марина Ганфайтер

Марина Ганфайтер

За печкой

«Автор»

2026

Ганфайтер М.

За печкой / М. Ганфайтер — «Автор», 2026

Трудно быть одному против всех, особенно когда тебе всего 12 лет. Мальчик, оставшийся без отца и мамы, потерявший дом во время боевых событий и переехавший в другое село, пытается найти общий язык с одноклассниками и при этом остаться собой.

© Ганфайтер М., 2026

© Автор, 2026

Марина Ганфайтер

За печкой

В тот день я впервые перешагнул порог этого 6-го класса. Перешагнул, даже не догадываясь, что меня ожидает. Если бы знал, наверное, убежал бы далеко-далеко, ноги бы моей не было ни в этой школе, ни в этом селе. Но никто из нас не знает, что ждёт завтра... Потому так страшно мне сегодня открывать эту синюю тетрадку, мой дневник, который я начал вести в тот далёкий январский день, что пришёл следом за старым Новым годом.

19.01

Уже неделя, как я в новой школе. Здесь меня никто не знает и я пока что никого толком не знаю. В нашем шестом классе пять девочек, все остальные – мальчишки, такие, как я. Девчонки из других классов заглядывают на переменах, чтобы посмотреть на «новенького». Хотя, если честно, смотреть не на что: красоты во мне мало, глаза серые, волосы светлые, ещё и предательски торчат после того, как снимешь шапку. Роста я среднего, наверное, слабее половины своих одноклассников. Телефона сенсорного у меня нет, бабушка мне его не покупает, говорит, мол, обойдусь. Поэтому я не так интересен одноклассникам, у которых и дорогие айфоны водятся.

Я понимаю бабушку. У неё нас трое: я и две моих младших сестры, они ещё не ходят в школу. Отец мой умер, отсидев в тюрьме. А мама... О маме напишу позже. Её с нами нет. Так что я остался сиротой, пожаловаться некому. Бабушка не любит, когда я плачу, говорит: мальчишки плакать не должны. А если слёзы сами катятся? И катятся они у меня часто.

Мы с бабушкой уехали отсюда, где жили раньше. Почему уехали, бабушка не объясняет. Я только догадываюсь, хотя до конца не уверен.

В школе обо мне пока знают мало. Знают, что я троечник, табель за первое полугодие не спрячешь. Да и на уроках отвечаю с ошибками. Хотя отличников в нашем шестом классе мало, многие учатся ещё хуже меня.

Одна девочка сразу взяла меня за руку и повела показывать школу. Зовут её Евой. Она маленькая, на голову ниже меня, худенькая, смешливая, и глаза у неё тёмные, большие. Мне она нравится. Но вижу, что другим мальчишкам она тоже нравится. Уже стали меня подкалывать:

- Невесту себе нашёл?

А я вместо того, чтобы сразу отнекаться, ляпнул:

- Ага...

И началось.

21.01

Вчера я её поцеловал. Еву. Думал, что ей понравится, а она губки надула и обозвала меня. Дурак, говорит! И больше за руку меня не брала, на перемене убежала с девчонками, и до следующего урока я её не видел. Потом Артём, проходя мимо, меня толкнул, и я чуть не врезался в стену. На следующей перемене уже Ромка, пробегая по коридору, размахнулся рукой и локтем угодил мне в спину, прямо под лопатки. От тычка я зашатался и упал на четвереньки, а сидевшие на лавочке у стены малыши залились смехом.

Поначалу я думал, что всё это произошло случайно, само по себе, пока самый толстый в классе мальчик, Игорёк, не процедил сквозь зубы мне в спину:

- Задолбал новенький...

И я всё понял. И почему Ева со мной больше не общается, и почему посмеиваются за моей спиной, и откуда сыплются все эти тычки и удары. Против меня началась целая операция, класс объявил мне войну. Но особо обидно стало, когда Ванька, на голову ниже меня и слабее,

ударил сзади под коленку, когда я поднимался по лестнице на второй этаж, и я едва не скатился вниз, успев таки ухватиться обеими руками за перила.

Тогда у меня впервые хлынули из глаз слёзы. До этого я в школе ни разу не плакал и никто не видел меня ревушим. А тут, как нарочно, щёки вспыхнули, зарделись от обиды и позора, глаза наполнились влагой, и я, как девчонка, зарыдал. Молча, без звука, глотая эти солёные струи, затекающие мне прямо в рот. Ванька, увидев моё мокрое лицо, радостно хмыкнул:

- Так тебе и надо!

В столовой во время обеда, когда едят такие, как я, освобождённые от платы за питание, Ванька появился уже с включённым телефоном и навёл экран на меня, дожёвывавшего котлету. Я чуть не подавился, бросил есть и побежал за ним, чтобы отобрать телефон и удалить сделанный им кадр. Догнать Ваньку я не успел, мальчишки меня перехватили в коридоре и попытались остановить подножкой. Правда, я перескочил через выставленную кем-то из них ногу, но Ваньку догнать уже не смог.

У меня появилась такая фобия: я не терплю, когда меня фотографируют. Это у меня началось с того времени, как у мамы моей в телефоне обнаружили запрещённые снимки. Те снимки в галерее и стали первым доказательством вины мамы. Я потом трясущимися руками удалял из своего телефона всё, что могло оказаться опасным, но это уже никого не могло спасти. Маму посадили на 8 лет. Она в тюрьме и выйдет оттуда не скоро, я уже к тому времени стану большим. Бабушка поначалу ещё врала мне, что мама просто болеет, но я догадывался, что тут что-то нечисто, правда, боялся бабушку о чём-то расспрашивать и помалкивал.

И вот теперь меня трясло всякий раз, как кто-то направлял в мою сторону камеру. Я готов был догнать любого и если не отобрать телефон, так хотя бы выбить из рук, разбить, разметать на кусочки.

- Придурок, - язвительно бросила Ева, наблюдая за мною, как я метался от одного одноклассника до другого, что дразнили меня и передавали из рук в руки злосчастный телефон.

Наша классная руководительница Зоя Михайловна обругала мальчиков, бегавших за мною со включённой камерой, заодно обругала и меня, пытавшегося их догнать, сказав:

- Нечего тут цирк устраивать! Никто тебя не съест, если и сфотографирует.

Я не стал ей ничего объяснять. Да и что я мог сказать? Что мама моя, видимо, снимала российскую военную технику и что - то там сообщала в СБУ? Не мог я предать маму, разболтав о её вине, не мог и объяснить своё странное поведение. И всё равно всякий раз направленная в мою сторону камера телефона вызывала у меня судороги в желудке и ползущий по спине неприятный холод, а ещё учащённое биение сердца.

Не знаю, как назвать то, что стало происходить со мной в новой школе. Есть такое слово «буллинг». Думаю, это был именно он. И слово-то какое неприятное! Словно стреляют тебе в голову. А может, это что-то другое, чему ещё не придумали название. Но именно это стало причиной того, что вставать утром после сна и собираться в школу, в наш шестой класс, стало для меня настоящим мучением. Сначала я высовывал нос из-под одеяла, гладил лежащего рядом со мною кота Яшку, потягивался, повторяя Яшкины движения и пытаюсь продлить время перед неизбежным вставанием. Потом, вздыхая, я вытягивал наружу ноги, отбрасывая одеяло, тянулся руками вверх и вставал. Но как бы я ни тянул время, всё равно наступал момент, когда мне приходилось одеться, взять на плечи рюкзак и бежать на автобусную остановку, где другие школьники уже ожидали подхода школьного автобуса.

Я живу в соседнем селе, а не в том, где школа расположена, потому и добираюсь до неё на автобусе. Приставания ко мне начинаются прямо оттуда, с остановки, где одноклассники и подговорённые ими ребята из других классов могут стукнуть по моему рюкзаку или сшибить с головы вязаную шапку, тотчас превращаемую в волейбольный мяч и перебрасываемую друг другу в надежде, что я стану её отнимать. И так будет продолжаться до тех пор, пока не покажется из-за поворота автобус с надписью «Дети».

В автобусе, кроме водителя, обычно сидит учительница, сопровождающая нас в поездках, встречающая нас и следящая за нашим поведением. С её вмешательством экзекуция на время приостанавливается, но как только автобус выпускает нас на площадку перед школой, всё опять возобновляется.

28.01

Сегодня я сорвался. Обычно держусь, всё переваривается у меня внутри. Я даже научился сам с собой разговаривать. Убеждаю себя: молчи, терпи! Ухожу на переменах подальше от класса, поднимаюсь наверх, где занимаются малыши. С ними мне проще и спокойнее. Они вешаются на меня, бегают за мною по коридору. Но сегодня на большой перемене Ванька тоже поднялся на второй этаж и уселся на боковую скамейку у стены. Я как-то сразу почувствовал, что это неспроста. Вслед за Ванькой объявился и Артём, за ним ещё двое моих одноклассников. Чтобы не находиться с ними рядом, я заглянул в 3 класс, где девочки играли в какую-то настольную игру, к ним я и присоединился. Не дождавшись меня в коридоре, вся компания подошла к открытой двери в класс и начали строить мне рожи, то растягивая уши, то надувая щёки, то делая вид, что чешутся, как собаки в поисках блох.

— Чего вы с ним играете? – засмеялся Артём. – Он же блохастый, ещё и вас заразит. Блохастый и вонючий! – потянул носом Артём, словно принюхиваясь.

Ничем от меня, конечно же, не воняло, это Артём придумал ещё одну дразнилку для меня. Услышав его слова, третьеклассницы удивлённо уставились на скривившегося Артёма, кто-то из них показал ему в ответ язык, но все продолжали и дальше со мною играть. Я же вообще молчал, проглотив обиду, и никак не реагировал, что ещё больше разозлило моих одноклассников.

Ванька, пользуясь тем, что учительницу третьеклассников кто-то позвал в коридор, вскочил в класс, зашёл мне за спину и начал размахивать руками, изображая неприличные жесты. Я обернулся и спросил:

- Чего тебе надо? Делать больше нечего?

И тут они все, кто стоял у двери, ворвались в класс, толкнули меня на пол, так что я грохнулся и ударился виском о железную ножку стоящей рядом парты, и принялись меня бить, я только успевал уворачиваться от протянутых ко мне ног. Малыши испугались, подняли крик. Одна из девочек ухватила самого маленького Ваньку за рукав куртки и старалась оттянуть его от меня. Так получилось, что я смог перекатиться в сторону и вцепился в занесённую надо мною ногу. Это оказалась нога Сергея; он, предвкушая, как лягнёт меня, поднял ногу повыше, и я увидел над собою грязную подошву его кроссовка. Ещё не понимая, что сделаю, я дёрнул на себя эту ногу, дотянулся до того места, где между носком и джинсами мелькнула часть голы ноги, и со всей силой впился в неё зубами!

Даже не предполагал, что можно так кричать! Сергей заорал, словно его посадили на раскалённую сковороду, и начал дёргать ногой, хотя я её уже отпустил. В этот момент в класс вернулась учительница, она просто ошарашена от увиденного и стояла, раскрыв рот, не говоря ни слова. Потом наконец произнесла:

— Это что такое тут творится?

— Он меня укусил! — застонал Сергей, тыча в меня пальцем. Я встал с пола, струсил со штанов пыль, но ничего не промолвил в свою защиту.

Учительница нас обоих потащила к директору школы. Оправдаться, что я не виноват, что только защищался, я так и не смог. Весь класс был против меня. Никто не сказал, что они толпой пришли меня бить. Даже Ева была против меня, ничего, правда, не сказала, но стояла в сторонке и ехидненько ухмылялась. Только одна девочка из всего класса – Света Крамаренко – была на моей стороне и тихо пояснила директору, что я укусил Сергея за ногу не специально, а потому что меня, валявшегося на полу, били ногами. Слушать Свету ни директор, ни учи-

тельница третьеклассников, ни наша классная не стали. Ещё и повели к медсестре Сергея, где он с триумфом продемонстрировал следы моих зубов на своей лодыжке.

На следующий день в школу вызвали бабушку. Укушенный тоже был при этой беседе. А я, красный, как рак, стоял перед целым собранием и не знал, куда глаза девать. Потом ещё и разревелся, да так, что меня с полчаса трясло. Стыдно было плакать перед одноклассниками, но остановиться я уже не мог. Бабушка не то с сочувствием, не то с осуждением, оглядела меня и сказала:

— Пошли домой. На сегодня твоя учёба закончилась.

4.02

Уже третий день, как Света на переменах иногда останавливается около меня и разговаривает. Так что, у меня появился друг. Точнее, подруга. Это Света Крамаренко. Она единственная, кто меня никогда не обзывал и не дразнил. Я давно заметил, что в классе её не любят. Мама у Светы работает в сельском совете, моет полы, а папа умер несколько лет назад. Света очень добрая, но другие девочки не принимают её в свой узкий кружок. На переменах они расхаживают по школе, смотрят по телефону разные видео, придумывают игры, а Света почти всегда одна. Она девочка полненькая, с длинным хвостом чёрных волос и огромными карими глазами. Одевается она не так модно, как другие наши девочки. И денег на еду в столовой ей дома не дают, обычно она на большой перемене достаёт из рюкзака бутерброды и ест в коридоре, сидя на скамейке под стеной, подальше от одноклассников. Только сейчас я обратил на неё внимание, раньше меня интересовала исключительно Ева. Но не я один заметил дружеское отношение Светы ко мне, остальные мои одноклассники тоже сообразили это. И теперь уже доставали не одного меня, а нас двоих. Им нравилось унижать меня при этой девочке. Нравилось обзывать «блехастым», нравилось ставить мне подножки, когда Света была недалеко и могла всё это видеть.

Сегодня на большой перемене я заскочил в класс, чтобы взять ракетку и пойти играть со старшеклассниками на второй этаж в теннис, где стоял теннисный стол. В классе сидела с зеркальцем в руках Ева, больше никого не было. Торопясь, я заметил брошенный на меня какой-то победный хитрый взгляд в глазах девочки, она, глядя на меня, подозрительно усмехнулась. Я тогда не обратил на это внимание. Когда прозвенел звонок на урок, я вернулся в класс и, открывая дверь, услышал, как Артём взволнованно сказал, стоя посреди класса:

— Конечно, это он! Кто же ещё? Больше некому!

Не сообразив, что речь идёт обо мне, я сел за свою парту и стал готовиться к уроку, когда ко мне подошли трое одноклассников. Сергей пнул ногой стул подо мною, Артём сбросил на пол мой дневник, а Ванька, растягивая в улыбке слюнявый рот, спросил:

— Ну, что, сам отдашь? Или мы тебя обыщем?

Ничего не понимая, я обвёл взглядом этих троих, потом оглянулся на весь класс. Все, кроме Светы, пялились на меня враждебно и с насмешкой, словно уличили в чём-то постыдном.

В этот момент на пороге класса появилась и Зоя Михайловна, вызванная кем-то заранее, она усадила всех за парты и обратилась ко мне, кинув мне в лицо несправедливое обвинение:

— Костя, зачем ты взял телефон Артёма?

— Какой ещё телефон? — удивился я. Голос мой сразу осип и стал поквакивать, словно я и вправду в чём-то виноват. — Никакого телефона я не брал и даже не видел! Меня и в классе-то не было! Я всю перемену играл в теннис с ребятами на втором этаже.

— А Ева вот говорит, что ты приходил в класс, что-то незаметно взял и убежал.

— Да, — подтвердила Ева. — Ты заходил в класс, вот только я отвлеклась и не видела, что именно ты взял. Телефон Артёма или что-то другое. Он лежал вон там, на парте, — показала

она своей маленькой ручкой. – И ты проходил мимо него. Кроме тебя, в класс на перемене больше никто не заходил!

— Зоя Михайловна, — я начал оправдываться, — я за ракеткой приходил на минуту, взял ракетку – и всё, сразу ушёл. Никакого телефона я вообще не видел!

Но Зоя Михайловна мне не поверила. В общем-то, она относилась ко мне хорошо, как и к остальным. Но ей было не до меня. Пенсионерка, очень полная, неповоротливая, слишком добрая, она всё время была занята какими-то проблемами, охала по каждому поводу, несколько раз вызывала родителей моих одноклассников, которые доставали меня, но толку от этого было мало. Лучше бы она вообще ничего не замечала. Её защита и попытки наладить отношение ребят ко мне приводили только к обратным результатам: мои мучители считали меня кляузником и ополчались ещё сильнее и изощрённее. Вот и сейчас, с сожалением глядя на меня, Зоя Михайловна, покачивая головою, вздохнула и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.